

Никита Калинин

Возвращение

Никита Калинин
Возвращение

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Калинин Н. В.

Возвращение / Н. В. Калинин — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В теплое, спокойное и счастливое детство Роберта вдруг вторгается мечта. Как темная сила из морских глубин, она меняет всю его жизнь, и он не может ей противостоять. Тем более, что исполнение мечты кажется таким простым — нужно только ступить на вдруг открывшийся путь и порвать со всем, что знал и любил раньше. Куда приведет этот путь? В герое драматичного рассказа-притчи "Возвращение" каждый читатель сможет найти собственное отражение.

Я проснулся поздним утром от того, что ветер со стороны моря завывал в приоткрытом окне, занавески развевались, в комнате было холодно. По всей комнате на полу валялись журналы: я читал вчера допоздна, а теперь их раздуло ветром. Я встал с кровати и босиком по ледяному полу подошёл к окну, ёжась от холода. Спать больше не хотелось. Начался третий день весенних каникул.

Наш дом стоял на высоком холме прямо над морем. Из окна моей комнаты на втором этаже была видна узкая полоса пляжа где-то внизу, поросшие рыжей травой дюны, серое небо и пена на гребнях волн. Я заварил чашку чая и пил стоя у окна, всматриваясь в смутные очертания проплывающего где-то у горизонта корабля. Флаг на конце пирса так трепетал на ветру, будто его вот-вот сорвёт. Внизу, на пляже, два мальчика в натянутых по самые глаза капюшонах запускали в воздух разноцветного воздушного змея. Окно было все ещё открыто, и вместе с ветром и шумом волн до меня доносился их высокий залиvistый смех.

Допив чай, я влез в мягкий свитер, надел джинсы и спустился в прихожую. Здесь было тихо, только тикали часы над дверным проемом. Мама с папой уезжали на работу по утрам, и во время каникул я большую часть дня был предоставлен самому себе. Ещё у меня был старший брат Роберт. Я не видел его пять или шесть лет. Когда я видел его в последний раз, мне было девять, ровно на столько же Роберт был старше, и он был самым лучшим старшим братом на свете. Он помогал мне делать уроки, выстругивал для меня деревянные мечи, которыми мы потом упражнялись в фехтовании на заднем дворе, в тени старой сливы. Потом Роберт исчез. Мой папа, капитан корабля в отставке и обладатель роскошных усов, говорил, что он уехал на заработки в другую страну и скоро вернётся. Мама не говорила ничего, но во время таких разговоров на ее нежном мраморно-белом лице, у уголков рта, появлялись едва заметные морщинки.

Прошёл год, другой, а Роберта все не было, и постепенно надежда на его возвращение стала в нашей семье чем-то туманным и условным: все говорили, что Роберт обязательно вернётся, но, по-видимому, никто в это уже не верил. Первое время Роберт писал подробные письма о своих делах каждую неделю. Я помню эти конверты – большие, из коричневой бумаги, оклеенные яркими марками с изображениями старинных генералов и тропических животных, они пахли смолой и шоколадом, и я, держа их в руках, представлял, как Роберт в пробковом шлеме носится с мачете по африканским джунглям, разрубая перед собой деревья и попавших под руку зверей. Потом письма стали приходиться реже – раз в месяц, два, а затем и вовсе прекратились. Удивительно, но никто у нас особенно не горевал. Не то чтобы Роберта меньше любили – как раз наоборот, он всегда был достойным примером старшинства, и, вспоминая его за ужином, папа приосанивался и поднимал к усам чашку с чаем так вычурно, будто оказывался на приеме британской королевы. Я думаю, дело было в том, что Роберт пропал не сразу, а как бы постепенно. Наверное, если бы однажды утром он появился на кухне с чемоданами и объявил: ма, па, я уезжаю неизвестно куда и черт знает, когда вернусь – вот тогда слезы лились бы ведрами. А он приучил нас к своему отсутствию незаметно и ненавязчиво, как приучают кошек есть из своей миски.

Я надел старую кожаную куртку с сапогами и вышел на улицу. Земля была устлана прелыми листьями, пролежавшими всю зиму под снегом. За моей спиной бесновалось море, а сразу за оградой нашего дома начиналась сосновая рощица, сквозь которую проходила извилистая дорога. Я пошёл туда, вороша ногами листву. Это была моя личная роща, я не навещался туда уже почти год, и мне стало интересно, не изменилось ли что-то за это время.

В просвете между тучами появилось солнце, его лучи, проходя сквозь сосновые кроны, принимали очертания такие ясные, что их, казалось, можно было щупать руками вместе с тонкими стволами деревьев. Я брел между соснами по хорошо знакомому пути. Через несколько минут, когда дома уже не было видно за деревьями, передо мной показался огромный, по колено мне, поросший мхом камень. Я подбежал к нему. Воспоминания разрывали голову

изнутри, я навалился на камень всем весом и отодвинул его. Во все стороны разбежались какие-то жуки, я разгреб руками полусгнившие листья с иглами и, наклонившись, постучал костяшками пальцев по земле. Раздался гулкий деревянный звук. Я улыбнулся, нащупал пальцами кольцо, потянул вверх тяжёлую крышку и передо мной открылось углубление в земле, устеленное гнилыми зелёными досками.

Это был наш с Робертом тайник. Мы сделали его лет семь тому назад, и первоначальной нашей идеей было построить подземный ход, который вёл бы с холма прямо к пляжу, чтобы незаметно пробираться туда и пугать отдыхающих людей. Мы долго выбирали место и вышли на рассвете с лопатами, намереваясь закончить работу к вечеру. В полдень Роберт, стоя по колено в небольшой ямке, воткнул лопату в землю под небольшой сосной, вытер пот со лба, улыбнулся и сказал: ты уверен, что мы не можем просто спускаться на пляж по склону? Я не возражал. В оставшуюся половину дня мы натаскали к месту тайника досок, сколотили из самых тяжёлых и толстых брусьев крышку и приволокли камень, стоявший неподалёку. В тайнике мы хранили карту, которую Роберт чертил для меня целую неделю цветными фломастерами, сверяя каждую линию с найденным у папы атласом, наши мечи и арбалеты, а позднее, когда Роберт исчез, я стал складывать сюда письма, предварительно запаковывая их в полиэтиленовую плёнку, чтобы они не сгнили. Не знаю, почему мне так хотелось прятать их в каком-то особом месте. Наверное, тут я был точно уверен, что никто до них не доберётся и они будут в целости и сохранности.

Они и сейчас лежали тут, чёрные полиэтиленовые стопки. Я пощупал их руками, но не стал разворачивать. Содержание я и так знал очень хорошо. К каждому своему письму родителям Роберт прилагал отдельное – для меня, и каждую неделю, а потом каждый месяц я читал перед сном о его приключениях на другом краю света. Мы оба мечтали стать путешественниками, отважными искателями приключений. Но Роберт, кажется, единственный исполнил эту мечту – и кто знает, куда она его привела?

Я вспомнил, что кое-какие вещи не вмещались в тайник, и пошёл дальше, закрыв крышку и подвинув камень на своё место. Крючковая тропинка привела к трём соснам, между которыми была раскинута деревянная платформа, стоившая нам с Робертом нескольких дней изнурительных трудов. К стволу одного из деревьев были прибиты маленькие планки, служившие ступеньками; сосна была такой живучей, что ей это никак не повредило: за несколько лет планки будто вросли в ее толстый ствол и сочились по краям душистой смолой. В образовавшемся под платформой пространстве, зияя пустыми глазницами фар, стоял древний, изъеденный ржавчиной Гольф. Под слоем опавших иголок угадывался блеклый красный цвет. Я достал из кармана ключ на деревянном брелоке в виде глобуса какой-то очень маленькой планеты и повертел его в руках. Он шесть лет провалялся в шкафу, в пыльной коробке из-под мокасин, скрытый под кипой пожелтевших тетрадей Роберта – шесть лет, до вчерашнего дня, когда мама затеяла уборку и брелок с ключом был найден и вручен мне лично в руки. Я помнил, как семнадцатилетний Роберт вытаскивал этот шарик, склонившись над станком в не по размеру огромных очках. Он покрыл его лаком, прочертив папиным острым пером контуры континентов, и сушил затем над лампой в своей комнате, отчего зайти к нему, не зажимая нос, было невозможно ещё несколько дней. Я слонялся вокруг и думал, что все это неспроста – и был прав, потому что одним воскресным утром Роберт разбудил меня, болтая перед глазами этим самым брелоком, но теперь на нем висел и манил никелевым блеском новенький ключ, а папа, поощрявший раннее воспитание классических мужских увлечений, стоял в дверях и щурился то ли от июльского солнца, то ли от удовольствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.